

Ильин Илья Вячеславович

*докт. полит. наук, профессор,
декан факультета глобальных процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова.
Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А (корпус В)
dekanatfgp@fgp.msu.ru*

Леонова Ольга Георгиевна

*докт. полит. наук, доцент,
профессор факультета глобальных процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова.
Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А (корпус В)
politolga@gmail.com*

ФОРМИРУЮЩИЕСЯ ТЕНДЕНЦИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Цуйн Цуау.

*Doctor of Political Sciences, Professor,
Dean of the Faculty of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University.
Moscow, Leninskie Gory, 1/13A (building B)
dekanatfgp@fgp.msu.ru*

Leonova Olga G.

*Doctor of Political Sciences, Professor,
Faculty of Global Processes,
Lomonosov Moscow State University.
Moscow, Leninskie Gory, 1/13A (building B)
politolga@gmail.com*

EMERGING TRENDS IN GLOBAL POLITICAL PROCESSES

Аннотация. Авторы рассматривают 2022 г. как поворотный момент, завершающий очередной этап истории и знаменующий начало новой эпохи.

Используется метод глобального политического прогнозирования как экстраполяции сложившихся в настоящем глобальных политических вызовов, предопределяющих тренды развития глобальных политических процессов, на будущее состояние глобальной политической системы. Такой метод представляет вероятностный подход к явлениям будущего с учетом широкого набора возможных вариантов и может быть использован для краткосрочных прогнозов.

Будущее рассматривается как продукт политики, а политическая деятельность как важная составляющая, которая во многом может определять тенденции глобального развития. На основе использования принципа «вызов—ответ» становится возможным прогнозировать не вероятность появления каких-либо событий, но некую заданную реакцию на глобальные политические вызовы.

В статье прогнозируются тренды развития глобальных политических процессов и дается прогноз формирования международной повестки дня на ближайшие годы. Выявлены следующие тенденции развития глобальных политических процессов: геополитический разлом; продолжающийся кризис глобального управления; гуманитарные катастрофы, вызванные рядом глобальных кризисов (климатическим, энергетическим, продовольственным, миграционным) и нарастанием конфликтного потенциала; возрастающая роль стран Глобального Юга в геополитике; развитие формата минилатерализма и его влияния на международное сотрудничество.

Анализ показал, что именно политические цели и задачи, ценности и смыслы становятся доминирующим локомотивом глобального политического развития и мотиваторами политического действия глобальных политических акторов. Сделан вывод о возрастающей роли политической составляющей глобальных процессов.

***Ключевые слова:** глобальное политическое прогнозирование, «вызов—ответ», глобальные политические вызовы, глобальные политические процессы, тенденции глобального развития.*

Abstract. The authors consider 2022 as a turning point, completing the next stage of history and marking the beginning of a new era.

The method of global political forecasting is used as an extrapolation of the global political challenges that have developed in the present, which predetermine trends in the development of global political processes, to the future state of the global political system. This method represents a probabilistic approach to the phenomena of the future, taking into account a wide range of possible options and it can be used for short-term forecasts.

The future is seen as a product of politics, and political activity as an important component that can largely determine trends in global development. Based on the use of the “challenge—response” principle, it becomes possible to predict not the probability of any events, but a certain predetermined reaction to global political challenges.

The article forecasts trends in the development of global political processes and provides a forecast of the formation of the international agenda for the coming years. The following trends in the development of global political processes have been identified: the geopolitical rift; the ongoing crisis of global governance; humanitarian disasters caused by a number of global crises (climate, energy, food, migration) and the increase in conflict potential; the increasing role of the countries of the Global South in geopolitics; the development of the format of minilateralism and its impact on international cooperation.

The analysis showed that it is political goals and objectives, values and meanings that become the dominant locomotive of global political development and motivators of political action by global political actors. The authors have made the conclusion about the increasing role of the political component of global processes.

Key words: global political forecasting, “challenge—response”, global political challenges, global political processes, trends in global development.

Введение

«Будущие историки могут начать рассматривать 2022 год как поворотный момент в истории, знаменующий конец одной эпохи и начало другой», — прогнозирует старший вице-президент, директор по исследованиям Совета по международным отношениям (Council on Foreign Relations — CFR) Дж. Линдсей [16].

Многие эксперты отмечают, что мир сталкивается с самым сложным и взаимозависимым набором вызовов за последнее время [19], а ситуация становится все менее управляемой [7].

Основные темы повестки дня 2022 г., очевидно, будут иметь свое продолжение и в ближайшие годы. Среди них: возрождение традиционной геополитики, кризис глобального управления, обострение геополитической конкуренции держав, трансформация геополитического ландшафта после пандемии COVID-19, нарастание конфликтного потенциала в Индо-Тихоокеанском регионе, неопределенное будущее глобальной безопасности и др. [21].

Есть еще много острых тем, которые отражают потенциальные угрозы и которые будут оказывать значительное влияние на содержание глобальных политических процессов: высокая инфляция, замедление экономического роста, ускоряющееся изменение климата, проблемы продовольственной и энергетической безопасности, распространение зоонозов и риски биобезопасности [2, 13]. Это те вопросы, которые будут занимать умы политиков, ученых и дипломатов в ближайшие несколько лет [11].

Материалы и методы

Как известно, факторы, влияющие на формирование тенденций развития глобальных политических процессов, имеют долгосрочный или краткосрочный характер.

Политическое прогнозирование — одна из важнейших составляющих политического анализа, объектом которого выступает политика, а предметом — исследование возможных состояний политических событий, явлений и процессов. Прогностический детерминизм всегда традиционно делал ставку на так называемого экономического человека и теорию рационального выбора и исходил из идеи объективного и закономерного ограничения роли и функции политики, которая рассматривалась проекцией базисных отношений и, считалось, выполняет надстроечно-производственную функцию.

Долгое время наблюдалась недооценка места и роли политической составляющей в прогнозировании. Однако история, особенно события

конца XX в., подтвердили принципиальную непредсказуемость будущего, методы детерминистского прогнозирования здесь не работали, детерминистская футурология марксизма потерпела фиаско.

Как показали события последних лет, именно политические цели и задачи, ценности и смыслы становятся доминирующим локомотивом глобального политического развития и мотиваторами политического действия глобальных политических акторов, а их экономические интересы отходят на второй план и даже приносятся в жертву. Поэтому будущее можно рассматривать как продукт политики, а политическую деятельность как важную составляющую процесса его зарождения, которая во многом может определять тенденции развития глобальных политических процессов. Этим занимается глобальное политическое прогнозирование, основателем которого считается А.С. Панарин [8].

Мы рассматриваем глобальное политическое прогнозирование как экстраполяцию сложившихся в настоящем глобальных политических вызовов, предопределяющих тренды развития глобальных политических процессов, на будущее состояние глобальной политической системы. Такое прогнозирование не занимается предсказанием судьбы глобального мира и событий мировой политики, но представляет вероятностный подход к явлениям будущего с учетом широкого набора возможных вариантов.

Разумеется, глобальное политическое прогнозирование не в состоянии учесть сложный комплекс внешних и внутренних факторов, действующих в условиях нарастания неопределенности и турбулентности глобального мира. Но оно учитывает закон причинности, согласно которому всякое явление в мире имеет свою причину. Глобальное политическое прогнозирование в состоянии предсказать возможные следствия, вытекающие из данных причин. Такими «причинами» могут выступать глобальные политические вызовы [4].

Рассматривая генезис цивилизаций, А.Дж. Тойнби отмечал, что «детерминирующим фактором на каждой ступени был ответ на некий вызов, обусловленный внешним давлением» [9, с. 156]. Он писал: «функция “внешнего фактора” заключается в том, чтобы превратить “внутренний творческий импульс” в постоянный стимул, способствующий реализации потенциально возможных творческих вариаций». При этом стадия «вызов» означает «импульс или мотив», который заставляет объект реагировать и «перейти в стадию деятельности» [9, с. 107]. Используя принцип «вызов—ответ», сформулированный Тойнби, становится возможным достаточно достоверно составить суждение о возможных тенденциях развития глобальных политических процессов, влияющих на состояние глобальной политической системы.

События, происходящие на современном этапе глобализации, а именно, появление новых и деактуализация старых глобальных политических вызовов, имеют большое значение для прогнозирования тенденций развития глобальных политических процессов, поскольку они (эти вызовы)

постепенно материализуются в политических событиях глобального уровня и определяют вектор глобального политического процесса. В условиях нарастающей нестабильности и турбулентности глобального мира длительные прогнозы не могут предвидеть сложный комплекс объективных и субъективных факторов и коррелятов, влияющих на глобальное развитие и определяющих возможность тех или иных событий и появления точек бифуркации. Более точный прогноз возможен только на краткосрочную перспективу на основе анализа глобальных политических вызовов при условии, что они имеют достаточно устойчивый характер и проявляют себя в течение определенного и длительного времени.

Разумеется, этот метод прогнозирования не универсален и не всемогущ и не в состоянии четко и достоверно предвидеть будущее. Однако он может в целом предсказать некие последствия и ответную реакцию на то, что мы называем «политическим вызовом». Попытка осмыслить возможную ответную реакцию на такие вызовы позволяет выявить зарождающиеся или укрепляющиеся тенденции, благодаря которым можно предвидеть некоторую определенность будущего. Прогнозируется не вероятность появления каких-либо событий, но некая заданная реакция глобальной политической системы на внешние (глобальные политические) вызовы.

Таким образом, глобальное политическое прогнозирование использует технику экстраполяции настоящего на вероятное будущее. В результате становится возможным сделать некий прогноз на краткосрочную перспективу, а именно на ближайшие несколько лет.

Результаты исследования

Действительно, мир становится свидетелем возрождения традиционной геополитики: соперничества великих держав, имперских амбиций и меняющегося глобального распределения власти. Но при этом мировое сообщество может столкнуться с двумя парадоксами. Парадокс первый — возрождение классической геополитики в XXI в. и сопутствующей ей геополитической конкуренции угрожает перспективам сотрудничества и объединению усилий в поисках коллективного ответа на глобальные политические вызовы и решению глобальных проблем. Равноправные и уважительные партнерские отношения между странами-единомышленниками, которые озабочены необходимостью решения общих задач, позволили бы им более эффективно работать и создавать гибкие механизмы реагирования на такие вызовы, сегодня, к сожалению, являются исключением из правил. Парадокс второй — возрождение билатерализма, который в последнее время стал доминировать в системе международных отношений и рискует не оживить, а окончательно подорвать международную систему. В целом в сложившейся ситуации можно наблюдать увеличение роли политической составляющей глобальных процессов.

Альтернативное будущее рождается в диалектическом взаимодействии циклического и инерционного характера развития. Исторический цикл и инерция, взаимодействуя друг с другом, формируют будущее. Кроме того, на составление краткосрочного политического прогноза влияют следующие факторы:

- неодинаковая восприимчивость различных глобальных акторов (развитых и развивающихся, находящихся на глобальной периферии и восходящих глобальных держав) к гетерогенному будущему;
- инерционные типы поведения, свойственные развитым странам Запада, т.е. экономически благополучным социумам, которые ведут к исчерпанию ресурсных возможностей своего развития;
- стремление политических элит стран — мировых лидеров глобальных процессов, исходя из своих интересов, сделать будущее одновариантным, насаждая всеобщую универсальную экономическую и политическую модель для всех народов и цивилизаций, их попытки нейтрализовать возможные исторические альтернативы, которые предлагают восходящие державы;
- накапливающаяся реакция отложенного будущего, актуальные тенденции которого из-за сопротивления мировой политической элиты не имеют возможности реализовываться в настоящем, но тем более они энергично заявят о себе в будущем;
- высокая вероятность фазовых инверсий, меняющих плюсы на минусы (например, победителей в капитулянтов), а минусы на плюсы, инверсий, предусматривающих неизбежную ротацию мировых политических элит, глобальных политических акторов, полюсов и центров силы глобального мира.

Обсуждение

Глобальные политические процессы: тенденции развития

Геополитический разлом

Длительное время интеграция стран глобального мира основывалась на убеждении, что экономические связи, наряду с культурными, академическими и другими обменов, будут стимулировать мирное развитие глобальных политических процессов и помогут избежать политических потрясений. Но вышло наоборот: политическая составляющая глобальных процессов и разворачивающиеся в их рамках политические события оказались первичны. Именно они влияют на международные экономические связи (стимулируя их или разрушая, как это происходит с последствиями санкций, введенных против России), а также на культурное, научное и спортивное сотрудничество.

Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш в своем выступлении в Давосе в 2023 г. отметил, что «мы сталкиваемся с самыми серьезными уровнями геополитического разделения» [20]. Подводя итоги встре-

чи лидеров глобального мира в Давосе, К. Пивариу пишет: «Глобализм уже не так монолитен, как казалось десять лет назад... Суверенизм, похоже, является тенденцией, начинающей набирать обороты во всем мире» [20].

По мнению большинства западных экспертов, определяющим разделением в мировой политике стала борьба между так называемыми демократиями и автократиями. Постепенно формируется то, что на Западе стали называть «осью обиженных» — это страны, которые возмущены превосходством США и доминирующим западным влиянием в экономике, политике и культуре. Большинство стран, которые раньше относили к «глобальной периферии», не приемлют сложившийся мировой порядок, где доминируют США и желают его изменить, за что они получили от Запада клеймо «ревизионистских» держав.

Трансатлантические отношения, несмотря на, казалось бы, единство США и стран ЕС в санкционной политике, направленной против России, все более приобретают признаки кризиса. Они могут подвергнуться риску из-за недовольства европейцев экономическим протекционизмом США, с одной стороны, и недовольства американцев сохраняющейся экономической зависимостью стран Европы от Китая, с другой. Кроме того, сохраняются и разногласия между партнерами по поводу масштабов военной, экономической и дипломатической поддержки Украины и уровней расходов (взносов стран-членов) НАТО на оборону [14].

В конце 2022 г. между Соединенными Штатами и их ближайшими союзниками проявилась новая разделительная линия — экономическая политика. Вопреки надеждам большинства торговых партнеров США, президент Байден оставил многие тарифы Д. Трампа в силе. В 2022 г. Конгресс США принял, а Дж. Байден подписал Закон о снижении инфляции и Закон о чипах и науке. Они нацелены на субсидирование промышленности США и дискриминируют производителей за пределами Северной Америки. Президент Франции Э. Макрон предупредил, что эти два закона могут расколоть Запад. Многие другие союзники США столь же резко критиковали администрацию Байдена за такую позицию в формировании промышленной политики [17].

Проблема эскалации напряженности между США и Китаем остается по-прежнему актуальной. Встреча президента США Дж. Байдена и председателя КНР Си Цзиньпина в ноябре 2022 г., которую на Западе назвали «сердечной и конструктивной», у некоторых породила оптимизм. Они считают, что данная встреча «вселяет надежду на то, что Вашингтон и Пекин смогут стратегически конкурировать, одновременно сотрудничая в решении общих задач. Глобальные южные и средние державы будут стремиться выдержать конкуренцию между США и Китаем и ориентироваться в сужающемся стратегическом пространстве» [18]. Другие более реалистично оценивают результаты этой встречи и полагают, что «дверь для политики стратегического взаимодействия США с Китаем плотно закрылась» [16].

Сложившуюся в условиях глобализации взаимозависимость между странами, особенно в глобальных цепочках поставок продовольствия и энергоносителей, США и их союзники стали использовать в качестве оружия в геополитической конкуренции. Примерами могут служить санкции США, экспортный контроль, дискриминационные правила, которые наносят ущерб глобальной и региональной интеграции. Эти меры сказываются на глобальных политических процессах, усиливая политическую фрагментацию и разрушая глобальное международное сотрудничество.

Дж. Линдсей отмечает, что специальная военная операция России на Украине выявила значительные геополитические разногласия. Западные страны сплотились вокруг Киева. Китай и большинство стран Глобального Юга этого не сделали [16].

Продолжающийся кризис глобального управления

В последнее время проявились институциональные и геополитические тупики, которые тормозили многостороннее сотрудничество и достижение взаимопонимания между странами.

Предыдущий год был очень тяжелым для институтов глобального управления, и прежде всего ООН. Перед этой всемирной организацией стоят три проблемы. Первая — это геополитический разлом по поводу поддержки Украины и антироссийских санкций. Несмотря на действия США и их союзников, другие страны, похоже, понимают, что у них есть общие интересы в поддержании эффективного функционирования ООН.

Вторая проблема — это вопрос реформирования организации. Пока не ясно, будут ли усилия по ее реформированию продвигаться вперед или эта проблема перестанет быть актуальной. Деятельность ООН сегодня тормозят многочисленные дебаты политиков и дипломатов о необходимости ее реформирования. Так, президент США Дж. Байден заявил в сентябре прошлого года, что он хотел бы видеть реформы в Совете Безопасности. Эта инициатива по структурным и политическим причинам вряд ли приведет к позитивному результату. Сама идея реформы Совета Безопасности вызывает разногласия и порождает нервозность среди дипломатического сообщества ООН. Например, Китай обеспокоен тем, что если реформа будет реализована, его региональные конкуренты Япония и Индия могут получить постоянные места в Совете Безопасности ООН. Р. Гован полагает, что существует высокая вероятность того, что все эти усилия по реформированию, включая идеи по перестройке Совета Безопасности, увязнут в дипломатической рутине [12].

Третья проблема — надежды, возлагаемые на Интернет, который мог бы стать вспомогательным инструментом глобального управления как глобальная сеть, объединяющая весь мир, не оправдались. Более того, он позволяет проводить операции информационного влияния с целью бросить вызов политическим режимам стран, не согласных с политикой США, дестабилизировать в них политическую и экономическую ситуацию. Поэтому многие страны в целях национальной безопас-

ности стали стараться контролировать и подвергать цензуре контент или и то, и другое вместе. Появилось нечто более близкое к понятию «сплинтернет» — множество отдельных интернет-сетей. Социальные сети все чаще используются внешними акторами для распространения лжи и дезинформации, которые усиливают поляризацию как национального, так и глобального сообщества и значительно затрудняют глобальное управление [13].

Гуманитарные катастрофы

К. Пиварию указывает на различия между техническим прогрессом и общественным сознанием, которые стали настолько велики, что могут спровоцировать катастрофические события [20]. И такие события, в том числе гуманитарные катастрофы, уже начали себя проявлять. Это кризисы в области безопасности в таких странах, как Мали и Демократическая Республика Конго, с которыми безуспешно пытаются справиться миротворцы ООН. Положение дел в таких странах, как Южный Судан, Йемен, Сирия, Гаити, Эфиопия, Афганистан и др. приобретает признаки гуманитарной катастрофы.

Р. Гован считает, что дипломаты ООН могли бы больше внимания уделять решению данных вопросов, чем бесплодно обсуждать возможное реформирование этой организации [12].

Признаки глобальной гуманитарной катастрофы проявляются в серии кризисов — климатическом, энергетическом, продовольственном, миграционном, и в нарастании конфликтного потенциала в целом.

Климатический кризис

Изменение климата становится все более очевидным. Сорок лет назад, когда ученые впервые предупредили о возможной климатической катастрофе, это было проблемой будущего. Прошлый год показал, что это опасное будущее наступило. Некогда редкие экстремальные погодные явления стали обычным делом, что привело к снижению урожайности сельскохозяйственных культур. Межправительственная группа экспертов по изменению климата ООН предупредила, что последствия его изменения вскоре станут необратимыми [16].

Изменение климата, утрата биоразнообразия, загрязнение окружающей среды, формирующийся водный кризис — это глобальные вызовы, которые требуют немедленной реакции и объединения мирового сообщества. Однако интеграции стран в этом вопросе достичь не удалось, налицо фрагментированные попытки управления отдельными кризисными ситуациями и отсутствие системной политики в их решении. Существует тесная связь между водой, здоровьем и устойчивым развитием. Сегодня более 730 млн человек живут в странах с высоким и критическим дефицитом водных ресурсов, при этом развивающиеся страны больше всего страдают от нехватки и ухудшения качества воды, и, как ни парадоксально, наводнений, а их растущее население только усилит нагрузку

на систему [19]. Вряд ли решение сократить выбросы углекислого газа, предложенное Европейским союзом, даст какие-либо положительные результаты, учитывая, что они составляют лишь небольшой процент глобального загрязнения [20].

После длительных переговоров, которые шли более десяти лет, почти двести государств согласились создать фонд для выплаты компенсаций уязвимым странам, переживающим климатические катастрофы. Несмотря на это, добиться прогресса в решении проблемы сокращения выбросов или постепенного отказа от ископаемого топлива не удалось [19]. Многие развивающиеся страны с бурно растущими экономиками пока не готовы отказаться от нефти и газа. Поэтому очередная конференция ООН по изменению климата, которая должна состояться в Дубае, вряд ли окажется более эффективной, чем предыдущие, поскольку краткосрочные экономические проблемы преобладают над средне- и долгосрочными климатическими прогнозами, угрозами глобального потепления и его последствиями [14].

Энергетический кризис

Мир является свидетелем преобразующего момента в энергетике. Десять лет назад многие люди с надеждой смотрели на перспективу развития экономики, основанной на чистой энергии. Международное энергетическое агентство прогнозирует, что использование ископаемого топлива может сократиться до 20%, если будут выполнены все Парижские соглашения и обязательства по нулевому показателю. Однако геополитическая конкуренция и растущая секьюритизация энергетики, скорее всего, делают эту цель недостижимой. Растущая конфронтация между Соединенными Штатами и ОПЕК+, санкции Запада в отношении российской нефти и газа в совокупности привели к разрушению глобальной нефтегазовой системы. Растущая геополитическая напряженность, вызванная сокращением использования ископаемого топлива, еще больше фрагментирует рынки. Страны отреагировали стремлением к самообеспечению и возвращением к использованию угля. Однако уголь не только сделает климатические цели недостижимыми, но и поставит под угрозу базовую безопасность и доступность качественной энергии.

Рынок экологически чистых энергетических технологий также фрагментирован. Гонка за чистой энергией создает напряженность между развитым и развивающимся миром. Самая большая проблема — это доступ к капиталу. Большинство инноваций и финансирования в области чистых технологий приходится на Глобальный Север, в то время как спрос на энергию растет быстрее всего на Глобальном Юге [21].

Продовольственный кризис

Отсутствие продовольственной безопасности было постоянной проблемой в 2022 г., и без согласованных международных усилий по ее решению она сохранится и в ближайшее время. Более 820 млн человек,

а это около 10% населения земного шара, страдают от голода. Сегодняшняя нехватка продовольствия является результатом различных факторов, включая региональные конфликты и климатические потрясения. Цены на продукты питания взлетели до самого высокого уровня более чем за десять лет. В ответ на эту тревожную динамику многие страны усилили экспортные ограничения, особенно на продовольствие и удобрения. Анализ проблемы, проведенный Международным институтом исследований продовольственной политики, показывает, что двадцать одна страна сохраняет ограничения на экспорт продуктов питания, большинство из них — члены «большой двадцатки» (G20) [18]. Дефицит продуктов питания сопровождался ростом инфляции и цен на продовольствие. И данная тенденция, видимо, продолжится.

Миграционный кризис

Гуманитарный кризис связан и с ростом числа мигрантов и беженцев в разных частях мира. Около 32 млн человек по всему миру в настоящее время являются беженцами, они покинули свою родную страну из-за преследований, конфликтов или насилия. Если учесть внутренне перемещенных лиц, т.е. людей, которые были вынуждены покинуть свои дома, но продолжают жить в своей родной стране, то их число увеличивается до более чем 100 млн [16].

Наращение конфликтного потенциала

Идет эскалация насилия и политических потрясений во многих частях мира. Существующие воронкообразные конфликты в Сирии, Йемене и Афганистане уже привели к многолетнему насилию, тысячам смертей и еще большему количеству беженцев. Постоянно появляются новые горячие точки, такие как Северный Мозамбик, Демократическая Республика Конго, Центральная Африканская Республика, Южный Судан, Сахель (регион, который пострадал от нападений исламистских группировок и столкновений между местными ополченцами), китайско-индийская граница, Нагорный Карабах и др. [22].

Будущие горячие точки и потенциальные конфликты формируются в Индо-Тихоокеанском регионе. Ландшафт безопасности в Восточной и Юго-Восточной Азии представляет миру потенциальную дугу нестабильности, включающую, среди прочих факторов, соперничество между США и Китаем, территориальные споры в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях и напряженность в районе Малаккского пролива. Обычные механизмы управления кризисами уже не работают. Для предотвращения открытого конфликта необходимы политическое взаимопонимание, стратегическая ясность и отсутствие расхождений в толковании международного права [21].

Конфликтная ситуация складывается и вокруг Тайваня. За последние пять лет военные расходы Китая выросли на 25%, что позволило ему закрепить свое военное доминирование в Азиатско-Тихоокеанском ре-

гионе (АТР). Нарастание военной мощи Китая в АТР в последние годы вызвало обеспокоенность на Западе. Соединенные Штаты и их партнеры все больше опасаются его возможных действий по сохранению Тайваня как части Большого Китая или его активной политики в Южно-Китайском море. Конкуренция между США и КНР становится главной характеристикой данного этапа глобализации, и есть признаки того, что это противостояние все больше начинает приобретать военное измерение [6]. Однако у Америки уже явно не хватает ресурсов, чтобы гарантировать свое доминирование в этом стратегически важном регионе, поэтому, желая сохранить Индо-Тихоокеанский регион как важное стратегическое пространство под своим контролем и стремясь распределить бремя противостояния Китаю между своими союзниками, она инициировала создание Квад (Quad — четырехсторонний диалог по вопросам безопасности с участием Австралии, Индии, Японии и Соединенных Штатов) и АУКУС (AUKUS — трехсторонний пакт о безопасности, который Австралия, Соединенное Королевство и Соединенные Штаты заключили в 2021 г.) [5, 6].

Как показала практика, международные или региональные институты не всегда могут играть продуктивную роль в региональных конфликтах и укреплении стабильности. Так, например, в условиях высокого конфликтного потенциала в Индо-Тихоокеанском регионе АСЕАН страдает от внутренней дисфункции и конкуренции великих держав. Поэтому двусторонние отношения между США и Китаем будут решающим фактором, определяющим, возникнет ли конфликт в Индо-Тихоокеанском регионе. Попытки двух стран наглядно продемонстрировать друг другу свою силу могут усилить напряженность. Соперничество между США и Китаем растет. Китай провозглашает цель «изменить международный порядок в свою пользу», а Соединенные Штаты намерены «выиграть соревнование» [16].

Средние державы могли бы способствовать сохранению региональной стабильности, в частном порядке настаивая на том, чтобы Соединенные Штаты и Китай избегали действий, которые могут привести к конфликту. Коллективное сдерживание также может быть необходимым для предотвращения конфликта, но связанные с этим риски нуждаются в тщательном анализе. Хотя официально декларируемая миссия минилатеральных альянсов, таких как Квад, состоит в том, чтобы сдерживать другие страны, на практике их действия могут увеличить потенциал конфликта [21].

Возрастающая роль стран Глобального Юга в геополитике

Страны Глобального Юга (более «толерантное» название стран третьего мира и глобальной периферии) сформулировали согласованные позиции по важным вопросам, таким как необходимость для богатых развитых государств финансировать программы адаптации к изме-

нению климата в более бедных и принять на себя обязательства помочь покончить в них с нищетой к 2030 г. Однако все признают, что глобальный прогресс в достижении этих целей был незначительным, отчасти из-за экономических последствий COVID-19. Представители Глобального Юга, вероятно, будут вынуждены призвать более богатые государства увеличить помощь в целях развития [12]. Эти страны все более консолидируются и не только в вопросах получения помощи и инвестиций.

Сегодня на Западе задают вопрос, станет ли Глобальный Юг самостоятельным эффективным блоком в международных институтах глобального управления? В последнее время в ООН явно слышится голос стран Африки, Азии и Латинской Америки, которые открыто артикулируют свои геополитические взгляды и национальные интересы. Некоторые наблюдатели приветствовали возвращение Движения неприсоединения в мировую политику в качестве международной силы.

Интересы стран Глобального Юга и средних держав долгое время были неадекватно представлены в решениях на многостороннем уровне. В 2023 г. эти страны проведут у себя некоторые из важных международных саммитов, что открывает им возможность принять самое активное участие в формировании многосторонней повестки дня и глобальном управлении [19].

Однако нельзя не заметить, что политическая поляризация в регионах Глобального Юга, особенно в Латинской Америке, усиливается [1]. Сейчас уже говорят о второй волне «розового прилива» (pink tide). Победившие на выборах в ряде этих стран левые лидеры взяли на себя обещания по устранению многочисленных экономических, гендерных и расовых неравенств, которые им будет трудно выполнить в условиях замедления глобального экономического роста, усиления инфляции и сохраняющихся последствий пандемии COVID-19 [16]. Все это может раскачать политическую ситуацию как внутри этих стран, так и на всем континенте и привести к дальнейшему геополитическому расколу.

Будущее международного сотрудничества

Кризис международного сотрудничества, очевидно, будет продолжаться. Страны все чаще прибегают к минилатерализму, когда объединяются небольшими неформальными группами, собирающимся для достижения ограниченных, но важных для них стратегических целей, в противоположность принятым ранее многосторонним и более широким альянсам или формальным ассоциациям. Сегодня вместо мультилатерализма на практике идет выработка «более узких договоренностей между правительствами-единомышленниками» [13].

В этом есть определенные положительные стороны. Такой формат позволяет странам с ограниченными возможностями решать глобальные проблемы самостоятельно и более эффективно сотрудничать в рамках гибких механизмов. Причинами широкого распространения минилатерализма являются неадекватность существующих многосторонних

институтов, слабость существующих региональных многосторонних механизмов безопасности и относительный упадок влияния западных стран.

Формат минилатерализма позволяет выполнять три важные функции: осуществлять антикризисное управление в данном регионе, быть платформой для решения конкретных задач и механизмом, отражающим стратегическую перестройку для обеспечения собственной безопасности. Данная практика становится все более распространенной. Так, новые минилатеральные группировки Квад и АУКУС возникли для реализации геополитических интересов их участников и заполнения пробелов в глобальном управлении на макрорегиональном уровне [5, 6].

У минилатерализма есть свои недостатки. Во-первых, это его эксклюзивный характер. Укрепление и повышение эффективности международного сотрудничества является сложной задачей, если такие минисоглашения исключают Китай или другие восходящие державы. Во-вторых, минилатеральные соглашения слишком малы по числу участвующих в них стран, чтобы вырабатываемые ими правила могли закрепиться как нормы и механизмы решения важных задач для всего международного сообщества. В-третьих, они могут усугубить региональную нестабильность и раскол и вызвать пагубные ответные меры со стороны исключенных из сотрудничества стран. Одновременно они могут противостоять другим великим державам, вступая в конфликт с их национальными интересами и целями, как это делают Квад и АУКУС.

Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш объявил о проведении в 2024 г. саммита «За будущее», который должен стать знаковым моментом для перезагрузки многостороннего сотрудничества и возврата к мультилатерализму.

Распространение практики минилатерализма может привести к двум взаимоисключающим друг друга последствиям. Положительным результатом может быть то, что такое развитие интеграции «снизу вверх» создает основу для более широких и инклюзивных рамок сотрудничества. Страны с совпадающими геополитическими интересами, схожими целями и общими ценностями могут использовать минилатерализм, чтобы обойти многосторонние институты глобального управления, находящиеся в явном кризисе. Формат минилатерализма помогает развивающимся странам и странам средней мощности не быть втянутыми в соперничество крупных держав. Они также могут использовать этот механизм для расширения сотрудничества по смягчению региональных вызовов. Возможные негативные последствия практики минилатерализма возникают, если распространение минилатеральных соглашений идет «сверху вниз», по инициативе глобального лидера — США и его союзников. Это неизбежно приводит к все большему разделению мира и усилению конфронтации между политическими блоками. Кроме того, данный узкий формат не дает возможности мировому сообществу объединить усилия для решения глобальных проблем.

В итоге, как считает Р. Хаасс, фразу «международное сообщество» можно исключить из научного дискурса. По его мнению, понятия «меж-

дународное сообщество» уже не существует, а практика показывает, что оно превратилось в фикцию [13]. Встречи мировых лидеров в различных форматах не достигают своих целей, а то и вовсе терпят провал. Например, встреча мировых лидеров в Египте по борьбе с изменением климата потерпела фиаско. Кроме того, пандемия показала, что мобилизовать мировое сообщество на коллективную и эффективную борьбу с ковидом не удалось, возможности были упущены, а выводы не сделаны. Объединить усилия всех стран для борьбы с будущими пандемиями пока не получилось [13].

Геополитическая напряженность подрывает способность мира реагировать на возникающие все новые глобальные вызовы, в то время, когда глобальное сотрудничество наиболее необходимо. Использование Соединенными Штатами дипломатии санкций в качестве геополитического инструмента ведет к обострению конкуренции, которая усугубляет глобальное неравенство в распределении общественных благ и продовольственных и энергетических ресурсов, подрывает взаимное доверие, необходимое для эффективного международного сотрудничества в области решения глобальных проблем. Происходит геополитизация многих сфер жизнедеятельности общества, например спорта, культуры, науки, которые не имеют прямого отношения к политике, а усилия на международном уровне решать насущные для всего мира вопросы застопорились.

Сегодня повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., как отмечается в недавнем докладе ООН, находится в «серьезной опасности» [19]. Поэтому вполне можно согласиться с Р. Хаассом, что понятия «мировое сообщество» на практике больше не существует. Современная политическая ситуация также показывает, что мир не может объединиться для решения общих проблем безопасности и других глобальных проблем. Более того, достижение мирного существования глобального сообщества — планеты Земля без ядерного оружия — кажется уже неосуществимой мечтой. Снова, как в эпоху холодной войны, только наличие ядерного оружия у некоторых стран становится гарантией хрупкого мира.

Заключение

Сегодня становится все более очевидной роль политической составляющей глобальных процессов [15]. Международный порядок разрушается, порождая кризисы, не поддающиеся урегулированию, поиск финансирования и усилия по предотвращению гуманитарных катастроф, в том числе ликвидации последствий антропогенных и стихийных бедствий, не дают должных результатов. Число чрезвычайных гуманитарных ситуаций, вызванных конфликтами и природными катаклизмами, растет, а ресурсы для решения таких гуманитарных катастроф оскудевают [22].

По мере ослабления лидирующей роли США как глобального гегемона создается вакуум лидерства, который в сочетании с жесткой кон-

курений на геополитической арене увеличил вероятность того, что напряженность в международных отношениях может перерасти в горячий конфликт.

Есть три геополитических вызова, которые подрывают глобальные усилия по противодействию этим угрозам и оказывают значительное влияние на глобальные политические процессы. Это растущая конкуренция между США и Китаем, углубляющийся раскол между Россией и Западом, меняющееся глобальное распределение власти и новый баланс сил.

Однако история показала, что только переход от противостояния к конструктивному сотрудничеству великих держав может внести решающий вклад в решение глобальных проблем и стабилизацию глобальных политических процессов [10]. Это хорошо понимают у нас. Поэтому в новой Концепции внешней политики РФ, утвержденной указом Президента РФ В.В. Путиным от 31 марта 2023 г., сказано: несмотря на то что «большинство государств Европы проводят агрессивную политику в отношении России» (п. 59), отношения с ними РФ «намерена выстраивать в зависимости от степени их готовности отказаться от недружественного курса в отношении России и уважать ее законные интересы» (п. 64) [3].

Консолидация усилий, преодоление геополитического разлома и смягчение конкуренции приведет к восстановлению динамики глобального развития, интеграции и объединения мирового сообщества перед лицом грядущих глобальных вызовов всему человечеству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Голиней В. А.* Региональная сплоченность стран Южной Америки // Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2021. № 1. С. 9—22.
2. *Демиденко Э.С., Дергачева Е.А.* Глобальная гибель биосферы и поиск путей сохранения биосферной жизни // Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2021. № 2. С. 3—19.
3. Концепция внешней политики РФ, утвержденная указом Президента РФ В.В. Путиным от 31 марта 2023 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 01.04.2023).
4. *Леонова О.Г.* Глобальные политические вызовы современности // Век глобализации. 2019. № 3. С. 61—72. DOI: 10.30884/vglob/2019.03.05
5. *Леонова О.Г.* Влияние стратегического партнерства АУКУС на геополитическую ситуацию в Индо-Тихоокеанском регионе // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17, № 3. С. 194—211. DOI: 10.17323/19967845-2022-03-08
6. *Леонова О.Г.* Квад (Quad) в геополитической архитектуре Индо-Тихоокеанского региона // Век глобализации. 2022. № 4(44). С. 111—126. DOI: 10.30884/vglob/2022.04.08
7. *Мусиенко Т.В., Лукин В.Н.* Глобальное управление и глобальная безопасность: Состояние и перспективы // Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2020. № 2. С. 89—103.
8. *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2000.

9. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.
10. Challenges of Globalization and Prospects for an Inter-civilizational World Order / Ed. by I. Rossi. N.Y.: Springer, 2020.
11. Globalization, Inclusion and Sustainability in a Global Century. G 7 International forum. Rome, May 8—9th 2017. Rome: Eurilink University Press, 2017.
12. Gowan R. The U.N. Already Has a Challenging To-Do List for 2023 // World Politics Review. 2023. Jan. 24. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/united-nations-un-russia-ukraine-unsct-reform/?one-time-read-code=182718167457086029855> (дата обращения: 05.03.2023).
13. Haass R. Ten Lessons from the Return of History // Council on Foreign Relations. 2022. Dec. 13. URL: https://www.cfr.org/article/ten-lessons-return-history?utm_source=twtw&utm_medium=email&utm_campaign=TWTW%202022Dec30&utm_term=TWTW%20and%20All%20Staff%20as%20of%207-9-20 (дата обращения: 05.03.2023).
14. Haass R. What in the World Will Happen in 2023? Ten predictions for the world in 2023 // Council on Foreign Relations. 2023. Jan. 3. URL: https://www.cfr.org/article/what-world-will-happen-2023?utm_source=governanceupdate&utm_medium=email&utm_campaign=GlobalGovernanceUpdate2023Jan12C&utm_term=GlobalGovernance (дата обращения: 05.03.2023).
15. Ilyin I., Leonova O. “Non-global” Globalization. New features of political globalization // Journal of Globalization Studies. 2022. Vol. 13, N 1. P. 21—38. DOI: 10.30884/jogs/2021.01
16. Lindsay J.M. Ten Most Significant World Events in 2022 // Council on Foreign Relations. 2022. Dec. 16. URL: https://www.cfr.org/blog/ten-most-significant-world-events-2022?utm_source=twtw&utm_medium=email&utm_campaign=TWTW%202022Dec30&utm_term=TWTW%20and%20All%20Staff%20as%20of%207-9-20 (дата обращения: 05.03.2023).
17. Lindsay J.M. Five Foreign Policy Stories to Watch in 2023 // Council on Foreign Relations. 2023. Dec. 20. URL: https://www.cfr.org/blog/five-foreign-policy-stories-watch-2023?utm_source=governanceupdate&utm_medium=email&utm_campaign=GlobalGovernanceUpdate2023Jan12C&utm_term=GlobalGovernance (дата обращения: 05.03.2023).
18. Miller M.Ch., Gannon J.A., Manak I. et al. Visualizing 2023: Trends to Watch // Council on Foreign Relations. 2022. Dec. 9. URL: https://www.cfr.org/article/visualizing-2023-trends-watch?utm_source=governanceupdate&utm_medium=email&utm_campaign=GlobalGovernanceUpdate2023Jan12C&utm_term=GlobalGovernance (дата обращения: 05.03.2023).
19. Mullan T. Global Summits in 2023: A Test for the Rise of the Rest? // Council on Foreign Relations. 2022. Dec. 12. URL: https://www.cfr.org/councilofcouncils/global-memos/global-summits-2023-test-rise-rest?utm_source=governanceupdate&utm_medium=email&utm_campaign=GlobalGovernanceUpdate2023Jan12C&utm_term=GlobalGovernance (дата обращения: 05.03.2023).
20. Pivariu C. Davos 2023: World Economic Forum from great reset to great fragmentation // International Institute for Middle East and Balkan Studies (IFIMES). 2023. January 30. URL: <https://mail.google.com/mail/u/0/#inbox/FMfcgzGrcPHMWXgBLjMTSxlZvFZTLzDs> (дата обращения: 05.03.2023).
21. The Council of Councils Thirteenth Regional Conference: Jakarta. Oct. 30 — Nov. 1, 2022 // Council on Foreign Relations. 2022. Oct. 30. URL: https://www.cfr.org/councilofcouncils/events/council-councils-thirteenth-regional-conference?utm_

source=governanceupdate&utm_medium=email&utm_campaign=GlobalGovernanceUpdate2023Jan12C&utm_term=GlobalGovernance (дата обращения: 05.03.2023).

22. Who will intervene in the World's Hot Spots? // *World Politics Review Insights*. 2023. Jan. 11. URL: <https://mail.google.com/mail/u/0/?pli=1#inbox/FMfcgzGrbvJjPzWRCdtHwpbsfHPzJVKh> (дата обращения: 05.03.2023).

REFERENCES

1. Goliney V.A. 2021. "Regional cohesion of South American countries". *Bulletin of the Moscow University. Series 27. Globalistics and Geopolitics*, no. 1, pp. 9–22. (In Russ.)

2. Demidenko E.S., Dergacheva E.A. 2021. "The global death of the biosphere and the search for ways to preserve biosphere life". *Bulletin of the Moscow University. Series 27. Globalistics and Geopolitics*, no. 2, pp. 3–19. (In Russ.)

3. The Concept of the foreign policy of the Russian Federation, approved by the decree of the President of the Russian Federation V.V. Putin dated March 31, 2023. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (accessed: 01.04.2023). (In Russ.)

4. Leonova O.G. 2019. "Global political challenges of modernity". *The Age of Globalization*, no. 3, pp. 61–72. DOI: 10.30884/vglob/2019.03.05 (In Russ.)

5. Leonova O.G. 2022. "The impact of the AUKUS strategic partnership on the geopolitical situation in the Indo-Pacific region". *Bulletin of International Organizations*, vol. 17, no. 3, pp. 194–211. DOI: 10.17323/19967845-2022-03-08 (In Russ.)

6. Leonova O.G. 2022. "Quad in the geopolitical architecture of the Indo-Pacific region". *The Age of Globalization*, no. 4(44), pp. 111–126. DOI: 10.30884/vglob/2022.04.08. (In Russ.)

7. Musienko T.V., Lukin V.N. 2020. "Global governance and global security: state and prospects". *Bulletin of the Moscow University. Series 27. Globalistics and Geopolitics*, no. 2, pp. 89–103. (In Russ.)

8. Panarin A.S. 2000. *Global political forecasting*. Moscow, Algorithm. (In Russ.)

9. Toynbee A. J. 1991. *Comprehension of history*. Moscow, Progress. (In Russ.)

10. Rossi I. (ed.). 2020. *Challenges of Globalization and Prospects for an Inter-civilizational World Order*. New York, Springer.

11. *Globalization, Inclusion and Sustainability in a Global Century*. 2017. G 7 International Forum. Rome, May 8th–9th 2017. Rome, Italy, Eurilink University Press.

12. Gowan R. 2023. "The U.N. Already Has a Challenging To-Do List for 2023". *World Politics Review*, Jan. 24. Available at: <https://www.worldpoliticsreview.com/united-nations-un-russia-ukraine-unsc-reform/?one-time-read-code=182718167457086029855> (accessed: 05.03.2023).

13. Haass R. 2022. "Ten Lessons from the Return of History". *Council on Foreign Relations*, Dec. 13. Available at: https://www.cfr.org/article/ten-lessons-return-history?utm_source=twtw&utm_medium=email&utm_campaign=TWTW%202022Dec30&utm_term=TWTW%20and%20All%20Staff%20as%20of%207-9-20 (accessed: 05.03.2023).

14. Haass R. 2023. "What in the World Will Happen in 2023? Ten predictions for the world in 2023". *Council on Foreign Relations*, Jan. 3. Available at: https://www.cfr.org/article/what-world-will-happen-2023?utm_source=governanceupdate&utm_medium=email&utm_campaign=GlobalGovernanceUpdate2023Jan12C&utm_term=GlobalGovernance (accessed: 05.03.2023).

15. Ilyin I., Leonova O. 2022. “‘Non-global’ Globalization. New features of political globalization”. *Journal of Globalization Studies*, vol. 13, no. 1, pp. 21–38. DOI: 10.30884/jogs/2021.01-

16. Lindsay J.M. 2022. “Ten Most Significant World Events in 2022”. *Council on Foreign Relations*. December 16. Available at: https://www.cfr.org/blog/ten-most-significant-world-events-2022?utm_source=twtw&utm_medium=email&utm_campaign=TWTW%202022Dec30&utm_term=TWTW%20and%20All%20Staff%20as%20of%207-9-20 (accessed: 05.03.2023).

17. Lindsay J.M. 2023. “Five Foreign Policy Stories to Watch in 2023”. *Council on Foreign Relations*, Dec. 20. Available at: https://www.cfr.org/blog/five-foreign-policy-stories-watch-2023?utm_source=governanceupdate&utm_medium=email&utm_campaign=GlobalGovernanceUpdate2023Jan12C&utm_term=GlobalGovernance (accessed: 05.03.2023).

18. Miller M.Ch., Gannon J.A., Manak I., Obadare E., Tuttle Ch.M. 2022. “Visualizing 2023: Trends to Watch”. *Council on Foreign Relations*, Dec. 9. Available at: https://www.cfr.org/article/visualizing-2023-trends-watch?utm_source=governanceupdate&utm_medium=email&utm_campaign=GlobalGovernanceUpdate2023Jan12C&utm_term=GlobalGovernance (accessed: 05.03.2023).

19. Mullan T. 2022. “Global Summits in 2023: A Test for the Rise of the Rest?”. *Council on Foreign Relations*, Dec. 12. Available at: https://www.cfr.org/councilofcouncils/global-memos/global-summits-2023-test-rise-rest?utm_source=governanceupdate&utm_medium=email&utm_campaign=GlobalGovernanceUpdate2023Jan12C&utm_term=GlobalGovernance (accessed: 05.03.2023).

20. Pivariu C. 2023. “Davos 2023: World Economic Forum from great reset to great fragmentation”. *International Institute for Middle East and Balkan Studies (IFIMES)*. Jan. 30. Available at: <https://mail.google.com/mail/u/0/#inbox/FMfcgzGrcPHMWXgBLjMTSxlZvFZTLzDs> (accessed: 05.03.2023).

21. The Council of Councils Thirteenth Regional Conference: Jakarta. October 30 — November 1, 2022. *Council on Foreign Relations*, Oct. 30. Available at: https://www.cfr.org/councilofcouncils/events/council-councils-thirteenth-regional-conference?utm_source=governanceupdate&utm_medium=email&utm_campaign=GlobalGovernanceUpdate2023Jan12C&utm_term=GlobalGovernance (accessed: 05.03.2023).

22. Who will Intervene in the World’s Hot Spots? 2023. *World Politic Review Insights*, Jan. 11. Available at: <https://mail.google.com/mail/u/0/?pli=1#inbox/FMfcgzGrbvJpZwRCdtHwpsbfHPzJVKh> (accessed: 05.03.2023).

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

1. *Golinej V.A.* Regional'naya splochnost' stran Yuzhnoj Ameriki // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 27. Globalistika i geopolitika. 2021. № 1. С. 9–22.

2. *Demidenko E.S., Dergacheva E.A.* Global'naya gibel' biosfery' i poisk putej soxraneniya biosfernoj zhizni // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 27. Globalistika i geopolitika. 2021. № 2. С. 3–19.

3. Konceptiya vneshnej politiki RF, utverzhennaya ukazom Prezidenta RF V.V. Putinyam ot 31 marta 2023 g. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (data obrascheniya: 01.04.2023).

4. *Leonova O.G.* Global'nye politicheskie vy'zovy' sovremennosti // Vek globalizacii. 2019. № 3. С. 61–72. DOI: 10.30884/vglob/2019.03.05

5. *Leonova O.G.* Vliyaniye strategicheskogo partnerstva AUKUS na geopoliticheskuyu situatsiyu v Indo-Tixookeanskom regione // Vestnik mezhdunarodny'x organizatsij. 2022. T. 17, № 3. S. 194—211. DOI: 10.17323/19967845-2022-03-08

6. *Leonova O.G.* KVAD (QUAD) v geopoliticheskoy arxitekture Indo-Tixookeanskogo regiona // Vek globalizatsii. 2022. № 4(44). S. 111—126. DOI: 10.30884/vglob/2022.04.08

7. *Musienko T.V., Lukin V.N.* Global'noe upravlenie i global'naya bezopasnost': Sostoyanie i perspektivy` // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 27. Globalistika i geopolitika. 2020. № 2. S. 89—103.

8. *Panarin A.S.* Global'noe politicheskoe prognozirovanie. M.: Algoritm, 2000.

9. *Tojnbi A.Dzh.* Postizhenie istorii. M.: Progress, 1991.